

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ГСНТИ 16.21.27

КОД ВАК 10.02.19, 19.00.02

Л. Е. ВЕСНИНА

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МИГРАЦИИ В РЕАКЦИЯХ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация. В статье анализируются полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции студенческой молодежи Екатеринбурга на слово-стимул «мигрант», позволяющие судить о закреплённом в языковом сознании социально активных россиян восприятии миграции. Демонстрируется, что россияне относятся к мигрантам в основном терпимо/равнодушно.

Ключевые слова: миграция; психолингвистика; языковое сознание; свободный ассоциативный эксперимент; метафора; метонимия.

L. E. VESNINA

Ekaterinburg, Russia

METAPHORICAL REPRESENTATION OF MIGRATION IN RE- PLIES IN FREE ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Abstract: The article analyses answers received in the course of associative experiment for the word "migrant" held among students of Ekaterinburg. They make it possible to identify the attitude to migration fixed in the language consciousness of socially active citizens of Russia. It was proved that the Russians are tolerant or indifferent to migrants.

Key words: migration, psycholinguistics, language consciousness, free associative experiment, metaphor, metonymy.

С недавних пор пристальное внимание ученых различных областей знания обращено к проблеме миграции, что не случайно, поскольку, по данным ООН, за последние 50 лет число людей, живущих за пределами своей родины, увеличилось почти вдвое и уже в 2005 г. составило 191 млн. человек. Трудящиеся-мигранты сконцентрированы в относительно большом числе стран, в квинтет которых в 2006 г. вошла и Россия [Прудникова 2007: 3]. Вполне естественно, что миграция затрагивает интересы постоянного населения страны: одни отно-

сятся к этому явлению резко негативно, другие – равнодушно и терпимо, третьи видят в миграции на территорию России положительные стороны.

Социологи довольно часто проводят опросы российской общественности с целью выявления ее отношения к приезжим. Именно результаты подобных опросов натолкнули нас на мысль: почему крайне отрицательный образ мигранта, формируемый в российских СМИ, чаще всего не находит отражения в ответах, даваемых респондентами в рамках соцопроса.

Так, показательны в этом отношении результаты последнего социологического опроса об отношении россиян к одной из самых распространенных категорий мигрантов в России, трудовых, проведенного 20–23 ноября 2009 года Аналитическим Центром Юрия Левады (Левада-Центр). В опросе участвовали 1600 россиян в 127 населенных пунктах 46 регионов страны, респондентам предлагалось ответить на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран «ближнего зарубежья?». Определенно положительно к данному факту относятся 19% опрошенных, нейтрально – 44%, скорее отрицательно – 35%, затруднились с ответом всего 2% [www.levada.ru].

Получается, что лишь треть ответов являются показателями негативного отношения россиян к мигрантам. Но часто люди на прямой вопрос не дают правдивого ответа, поэтому мы попытались найти другой доступ к сознанию россиян с целью выявления образа миграции в представлении постоянного населения России.

Именно язык может служить тем средством, которое помогает проникнуть в глубины человеческого сознания. Еще В. фон Гумбольдт утверждал, что «язык – главнейшая деятельность человеческого духа, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия и сознания» [Гумбольдт 2000: 77]. Попытаться проникнуть в сознание людей помогает психолингвистика – одно из направлений современной науки о языке, складывающееся в рамках антропоцентрической парадигмы.

По утверждению А. А. Леонтьева, «предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной "образующей" образа мира человека, с другой» [Леонтьев 1997: 35]. Это определение психолингвистики разделяется большинством отечественных учёных. В нём подчеркивается, что психолингвистика должна изучать человеческое измерение языка и речи и роль языка в структурировании мира. В соответствии с

особенностями антропоцентрической парадигмы психолингвистика ориентирована на триаду «язык – человек – сознание».

Одной из методик выявления показателей языкового сознания (индивидуального и коллективного) в психолингвистике является свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Считается, что на ассоциации, полученные в САЭ, влияют два фактора: «лингвистический», т.е. определенные характеристики самого стимульного слова, и «прагматический», т.е. влияние личности самого испытуемого [САНРЯ 1977: 7]. Само же ассоциирование – процесс двойственный, поскольку, «с одной стороны, ассоциируя, индивид воспроизводит личностный опыт, с другой – повторяющийся типичный, т.е. языковой и социальный опыт» [Паутова 2007: 150]. Следовательно, на основе ассоциаций, возникающих у субъекта, можно говорить не только об индивидуальных особенностях восприятия действительности, но и об особенностях восприятия целой общности людей.

В рамках данного исследования с целью выявления образа миграции, существующего среди россиян, мы использовали методику САЭ: эксперимент проводился в городе Екатеринбург, в качестве информантов выступили 609 студентов 1 – 3 курсов ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» в возрасте от 17 до 22 лет. Задание формулировалось следующим образом «Напротив каждого слова напишите только одну, первую пришедшую на ум ассоциацию». Среди ряда других слов (жираф, космонавт, весна и др.) респондентам был предложен стимул *мигрант*. В ходе САЭ мы не получили ни одного отказа от участия в эксперименте, в результате чего дано 609 реакций на слово-стимул «мигрант».

Зачастую реакции респондентов на понятие «мигрант», представляют собой метафорические характеристики: среди 609 полученных реакций 301 – метафорическое словоупотребление. Понимание метафоры в психолингвистике как «единицы картины мира, поскольку в метафоре (как стершейся, банальной, общезыковой, так и оригинальной, авторской) происходит соединение двух зон, двух разных областей наших знаний: одного предмета или явления действительности, который подлечит осмыслению, оценке, и другого предмета или явления, нам известного и характеризуемого типовыми признаками, которые и служат основой осмысления или оценки первого» [РАС 2002: 759]; а также основные положения теории метафорического моделирования (см. подробнее [Чудинов 2001, 2003]) позволяют нам говорить о возможности объединения метафорических реакций в метафорические модели, репрезентирующие

миграцию в данных САЭ. Все выделенные метафоры были систематизированы в соответствии с предложенным А. П. Чудиновым (2001, 2003) способом классификации концептуальных метафор: понятийная сфера-источник метафорической экспансии; частотность; степень продуктивности метафорической модели. В данных результаты САЭ обозначились следующие метафорические модели, представляющие понятие «мигрант».

Зооморфная метафорическая модель. По верному наблюдению Э. В. Будаева, «зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки. Свидетельства обращения к миру животных для осмысления действительности обнаруживаются еще в первобытном тотемизме и мифологии, а после изобретения письма моделирование человеческого мира по образу мира животных регулярно встречается в работах мыслителей от Геродота до Ф. Ницше и О. Шпенглера» [Будаев 2006: 128].

Метафоры мира животных оказались и самыми востребованными для респондентов, участвовавших в САЭ: почти половина (132 МЕ/ 44%) всех полученных метафорических характеристик и около четверти всех реакций (22 %), данных на слово-стимул «мигрант», представляют собой зооморфные метафоры. Такой высокий процент «звериной» метафорики объясняется традиционностью использования носителями русского языка наименований животных для осмысления объектов окружающего мира, ср.: *здоров как бык, взять быка за рога, заячья натура* и др.; а также неограниченностью участников САЭ этическими рамками, в частности, мешающими использовать зооморфные характеристики авторам текстов СМИ.

Зооморфная модель имеет следующую фреймо-слотовую структуру.

1. Фрейм «Состав мира животных»

1.1. Слот «Собственно животные (млекопитающие)»

Рассматриваемый слот характеризуется значительным разнообразием актуализируемых концептов. Среди ассоциаций актуализируются метафоры базового уровня: *животное* (5 МЕ), *бездомные животные* (2 МЕ); а также конкретные образы животных: *бездомная собачка, слепые котята, летучая мышь*; в том числе редкие или вовсе нехарактерные для российской фауны животные: *единственный в мире пятнистый медведь, желтая макака, тушканы, шакалы, ишак*.

Метафоры слота представляют собой нейтральные ассоциации (*единственный в мире пятнистый медведь*), обладают как положительными (*бездомная собачка, слепые котята*), так и

отрицательными коннотациями (*животное, бездомные животные, желтая макака, тушканы, шакалы, ишак, летучая мышь*) в оценке понятия «мигрант».

1.2. Слот «Птицы»

Среди метафор слота используются как общие наименования, причем с признаком, характеризующим объект: *птица, лишенная гнезда, перелетные птицы* (65 МЕ); так и названия определенных видов птиц: *кукушки* (2 МЕ), *чайки* (2 МЕ), *петух, грачи*.

В основе метафорического переноса *кукушки* лежит закрепленное в сознании носителей языка представление о том, что кукушка – это «лесная перелетная птица, обычно не вьющая своего гнезда и кладущая яйцо в чужое гнездо» [Ожегов 1999: 313]. Мигранты же на территории чужой страны чаще всего оказываются без семьи, оторванными от дома. Ассоциация *чайки* дважды возникает в реакциях респондентов, скорее всего, с учетом жаргонного значения слова, ср. чайка – это «нахлебник». Использование слова *петух*, на наш взгляд, обусловлено попыткой респондента подобрать оскорбительное наименование. *Грачи* ассоциируются у жителей России с прилетом в определенное время года, также как *перелетные птицы*, что отражает представление о мигрантах как о сезонных работниках. Ассоциация *птица, лишенная гнезда* рождается под воздействием представления о том, что большинство мигрантов, приезжая в Россию, оставляет семью на Родине. Данной реакции свойственна положительная коннотация, проявляющаяся в сочувствии к мигрантам.

Метафоры слота представляют собой нейтральные метафорические ассоциации (*перелетные птицы, грачи*), а также реакции с положительной (*птица, лишенная гнезда*) и отрицательной (*кукушки, чайки, петух*) коннотациями.

1.3. Слот «Низшие животные (насекомые, паразиты)»

Слот представлен общими наименованиями *насекомое, паразиты*, а также наименованиями конкретных видов: *оса, стрекоза, тараканы* (21 МЕ), *муравьи* (7 МЕ), *саранча* (4 МЕ), *термиты*. Наличие реакций *оса* и *стрекоза*, наряду с единичной ассоциацией *гусеницы, которые потом становятся бабочками*, обусловлены желанием участников эксперимента создать необычные образы. Тогда как типическое представление о свойствах низших животных становится источником для метафорической концептуализации понятия «мигрант» в следующих наименованиях: *таракан* – «прямокрылое всеядное насекомое, живущее большим количеством, вредитель в сельском хозяйстве» [Ожегов 1999: 789]; *муравей* – «жалящее общественное насекомое,

живущее большим количеством» [Ожегов 1999: 370]; *саранча* – «стадное насекомое, вредитель сельского хозяйства, перелетающее большими массами» [Ожегов 1999: 697]; *термиты* – «близкие к муравьям, вредители, создают колоссальные по числу жителей общины» [www.zoofloga.ru]. Все насекомые обладают отрицательной характеристикой «вредитель»; также подчеркивается такое качество насекомых, выбранных для обозначения мигранта, как «живущие большим количеством».

Среди метафор данного слота нет ни одной, обладающей положительной коннотацией; нейтральные ассоциации – *оса*, *стрекоза*, *гусеницы*, *которые потом становятся бабочками* и реакции с отрицательным полюсом оценки – *насекомое*, *паразиты*, *тараканы*, *муравьи*, *саранча*, *термиты*.

2. Фрейм «Объединения животных и насекомых»

Фрейм представлен единичными метафорическими реакциями *косяк журавлей* и *муравейник*. Основной смысл, возникающий в представленных метафорах, – «большое количество». Поэтическое *косяк журавлей* не имеет каких-либо коннотаций и является нейтральной ассоциацией на слово-стимул «мигрант»; тогда как реакция *муравейник* отражает негативные представления респондентов о том, что мигрантов слишком много и они хаотично движутся, как муравьи в муравейнике.

3. Фрейм «Действия животных и рыб»

В реакциях данного фрейма мигранты метафорически представлены в виде *крыс*, *бегущих с тонущего корабля* (2 МЕ), *животных, которые бегут в одну сторону при опасности*, а также *рыб, которые мечутся*. В метафорическом употреблении *крысы*, *бегущие с тонущего корабля* актуализируется такой смысл, заложенный в ставшем уже устойчивым сочетании, как «трусость». Под метафорой *тонущий корабль*, скорее всего, подразумевается Родина, которую покинули мигранты в поисках лучшей жизни, данный факт отрицательно оценивается участниками САЭ. Так же можно трактовать единичную метафорическую характеристику *животные, которые бегут в одну сторону при опасности*. Распространенное сегодня мнение о том, что мигранты рожают большое количество детей, легло в основу метафоры с отрицательным полюсом оценки понятия «мигрант» – *рыбы, которые мечутся*.

Все метафорические реакции, составляющие данный фрейм, обладают отрицательными коннотациями.

4. Фрейм «Обращение с животными»

Фрейм представлен единичной метафорической реакцией *животные, которых травят*, обладающей положительной конно-

тацией – таким образом выражается сочувствие одного из участников САЭ по отношению к мигрантам.

В целом, зооморфная метафорическая модель, являющаяся, по данным результатов САЭ, высокочастотной (132 МЕ / 44%) и продуктивной (4 фрейма / 3 слота), представлена нейтральными реакциями, а также ассоциациями с положительным и отрицательным полюсами оценки.

Пространственная метафорическая модель. Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Дорога / пространство» актуализирует смыслы, привычные общественному сознанию, и одновременно раскрывает глубинные пласты осмысления понятия «мигрант». Анализ результатов САЭ показал, что миграция достаточно часто (50 МЕ / 16,6%) ассоциируется у российских респондентов с метафорами пути, дороги, путешествия, что объясняется самим значением слова «мигрант» – человек, который переехал куда-нибудь.

Любая модель характеризуется рядом важных свойств, к числу которых мы, вслед за А. П. Чудиновым, относим иерархическое устройство, пересекаемость метафорических моделей, открытость, способность к все более детальному развертыванию [Чудинов 2001: 38-43, 172-176]. Синкретичный характер метафорической модели обусловлен внутренней организацией концепта, а именно, нечеткостью его внутренней структуры, размытостью границ, представленных как в индивидуальном, так и в национальном сознании. Такие свойства, как отсутствие строгих границ, диффузность, характерны для любой метафорической модели. Концептуальная метафора с источниковой сферой «путь» проявляет высокий потенциал к развертыванию. Некоторые слоты концептуальной метафоры пути могут быть отнесены к другим моделям в соответствии с семантикой сферы-источника метафорической экспансии. Так, метафорика слота «Транспортное средство» представляет собой пример механической метафоры.

1. Фрейм «Перемещение в пространстве»

Фрейм представлен метафорами движения, призванными отобразить действия мигрантов, с помощью которых они осуществляют перемещение: *переезд* (6 МЕ), *полет*, *переселение*, *побег*.

Метафорические ассоциации фрейма не нагружены никакими коннотациями.

2. Фрейм «Пребывание в пути»

2.1. Слот «Путь следования»

Путь следования связан в сознании носителей языка с до-

рогой, что проявляется в единичной нейтральной ассоциации *дорога*.

2.2. Слот «Транспортное средство»

В метафорах слота представлены нейтральные реакции, ассоциирующие мигранта с транспортным средством, с помощью которого совершается перемещение: *самолет* (2), *поезд*, *теплоход*. Составляющие слота «Транспортное средство» могут быть также отнесены к другой модели с источниковой сферой «механизмы». В метафоре *теплоход* актуализируются культурные знания респондента: теплоход в современной российской действительности является неактуальным транспортным средством для перемещения на большие расстояния, но потоки мигрантов в различные страны мира начала XX века использовали именно этот вид транспорта.

3. Фрейм «Атрибуты перемещения»

3.1. Слот «Конкретные атрибуты переезда»

Слот включает в себя нейтральные метафорические реакции участников эксперимента, актуализирующие пространство, реалии и атрибуты переезда: *вокзал* (2), *граница* (2), *страна* (2), *виза*, *гринкарта*, *дорожные сумки*, *чемодан*.

Все указанные ассоциации отражают представления респондентов о необходимых составляющих переезда, который совершают мигранты.

3.2. Слот «Абстрактные атрибуты переезда»

Традиционно переезд на новое место жительства связан в сознании людей с определенными ожиданиями, надеждами, что отразилось в нейтральных метафорах слота: *будущее*, *ветер*, *лучшая жизнь*, *мечты*.

4. Фрейм «Участники перемещения»

Метафоры фрейма являются отражением метафорического переосмысления понятия «мигрант» и характеризуют его в зависимости от цели перемещения как *туриста* (5 МЕ), *гостя* (4 МЕ), *путешественника* (3 МЕ), *кочевника* (3 МЕ). Респонденты для образного представления миграции используют также поэтическую лексику *скитальцы*; *странники*; *тучки небесные*, *вечные странники*. Последние расцениваются нами как метафоры с положительным полюсом оценки, поскольку в толковании слов «скиталец (книжн.) – человек, который скитается» [Ожегов 1999: 722] и «странник (устар.) – странствующий человек (обычно бездомный и гонимый)» [Ожегов 1999: 772] априори заложен положительный потенциал. В использовании литературного прецедента *тучки небесные*, *вечные странники* (см. стихотворение «Тучи» М. Ю. Лермонтова) прослеживается

мотив изгнанничества и неприкаянности, посредством которого выражается жалость одного из участников эксперимента по отношению к мигрантам, вынужденным покинуть родные края.

В целом, образы, созданные в рамках среднечастотной (50 МЕ / 16,6%) и продуктивной (4 фрейма / 4 слота) пространственной метафорической модели, отражают объективные представления участников эксперимента о процессе переезда, который совершают мигранты. Три метафоры модели можно оценить как обладающие положительным потенциалом (*скитальцы, странники, тучки небесные, вечные странники*), остальные – нейтральные метафорические реакции на словостимул «мигрант».

Этническая метафорическая модель. В основу метафор этнической модели положено представление каждого человека о национальной идентичности, проявляющееся в классифицировании всех людей посредством лингвокультурологической оппозиции СВОЙ – ЧУЖОЙ. Концептуальные маркеры СВОИ и ЧУЖИЕ являются непреходящими для языкового сознания человека всех времен. Их древняя реализация была впервые описана Э. Бенвенистом в рамках оппозиции «свободный – раб, чужой, чужеземец». Лексемы со значением «чужеземец» в некоторых индоевропейских языках включали в себя значение «враг» [Бенвенист 1995]. Сохраняя свое значение на протяжении веков, дихотомия СВОИ – ЧУЖИЕ является культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества [Степанов 1997: 480].

В рамках миграционного дискурса актуальной оказывается идентификация по принципу СВОИ – ЧУЖОЙ в понимании Бенвениста. Так, главное положение, установленное Э. Бенвенистом (1974) на материале анализа индоевропейских слов, заключается в том, что понятие «Свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек одновременно осознает себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам» [Степанов 2001: 135-136].

Таким образом, мигрант определяется участниками психолингвистического эксперимента как ЧУЖОЙ, когда он является, во-первых, обладателем «экзотической» для России внешности; во-вторых – носителем других, чуждых россиянам, религиозных и культурных ценностей. В соответствии с этим, этническая метафорическая модель, по материалам ассоциативного эксперимента, имеет следующую структуру.

1. Фрейм «Мигрант – обладатель неславянской внешности»

При метафорической характеристике мигранта как обладателя неславянского или неевропейского типа внешности участники эксперимента зачастую апеллируют к образам, функционирующим в российских СМИ: *лицо кавказской национальности* (5 МЕ), *Равшан* (3 МЕ), *ДПНИ* (2 МЕ), *Джамшут*. Популярная в средствах массовой информации и среди рядовых россиян, ставшая стертой, метафора *лицо кавказской национальности* создана на основе метонимического переноса и используется как устойчивое сочетание по отношению к приезжим с Кавказа. Несмотря на изначально отрицательные коннотации, в настоящее время она является вполне нейтральной номинацией, хотя аналогичных словоупотреблений, типа «лицо российской национальности», «лицо американской национальности» в языке нет. Использование имен собственных *Равшан* и *Джамшут* в качестве ассоциаций на слово-стимул «мигрант» отражает телевизионные пристрастия подростковой и молодежной аудитории: это имена двух персонажей, строителей из Таджикистана, в популярной передаче на канале ТНТ «Наша Russia». Вполне вероятно, что в скором времени эти имена перейдут в разряд нарицательных, так же как это произошло с армянским именем Хачик. Дважды возникшая ассоциация *ДПНИ* является показателем закреплённости в сознании некоторых россиян представления о *Демократической партии национальной идентичности* как структуры, выступающей против нелегальной, а в реальности – и легальной, миграции на территорию России.

Единичная ассоциация *Маугли* представляет собой литературный прецедент: Маугли – главный герой одноименного произведения Р. Киплинга, воспитанный животными и отличающийся смуглым цветом кожи. Скорее всего, в основу такой реакции положен именно темный цвет кожи литературного персонажа. Доказательством этого может служить ряд «цветовых» метафор, данных участниками эксперимента как реакции на понятие «мигрант»: *черный* (4 МЕ), *черный цвет*, *чернокожий*, *черножопый*. В цветовых характеристиках подчеркивается смуглость приезжих из некоторых стран; в жаргонном *черножопый* заложен отрицательный полюс оценки миграции.

Кроме этого, мигрант как обладатель неславянской внешности ассоциируется у российских респондентов с *тетенькой в парандже*, *большим здоровым мужиком* и *бородатыми дядьками*. В таких реакциях содержится определенная доля иронии, а в двух последних – отрицательная оценка явления миграции. Уменьшительно-ласкательное *тетенька* (ср. *тетка*) в сочетании

с в парандже позволяет отнести ассоциацию к нейтральной группе.

2. Фрейм «Мигрант – носитель иных ценностей»

2.1. Слот «Духовные ценности»

Слот представлен как общими ценностными категориями *нация, национальность, своеобразие*, так и наименованиями вполне конкретных аксиологических понятий *другие традиции и обычаи, свой язык, вера*. В данном случае можно говорить о том, что некоторые участники эксперимента подчеркнуто утверждают право мигрантов на национальную идентичность.

2.2. Слот «Материальные ценности/ материальные знаки культур»

Данный слот состоит из нейтральных метафорических ассоциаций, отражающих восприятие мигрантов постоянным населением России сквозь призму особенностей кухни, ставших символическими для представителей некоторых национальностей: *лапша, пряности, фрукты или овощи, шашлык*. Кроме этого, одна из ассоциаций является наименованием неперенного символа жителей любой страны, служащего ее отличительным знаком, ср.: *флаг*.

Все метафоры фрейма можно оценить как нейтральные, поскольку в них не содержится каких-либо коннотаций, они являются констатирующими характеристиками.

3. Фрейм «Мигрант – ЧУЖОЙ»

Ассоциации данного фрейма являются стертыми метафорами, поскольку осознание россиянами человека другой национальности заведомо лежит в рамках категории СВОЙ – ЧУЖОЙ. Получены такие реакции «чужести» на слово-стимул «мигрант»: *чужой* (8 МЕ), *чужак* (4 МЕ), *чужие* (2 МЕ), *не наш, чужие люди*. Данные характеристики априори являются метафорами отторжения мигрантов, ср. нейтральные *иностранец, приезжий* и т.п.

Таким образом, по данным свободного ассоциативного эксперимента этническая метафорическая модель определяется нами как среднечастотная (48 МЕ/ 16%) и продуктивная (3 фрейма / 2 слота). В рамках модели отсутствуют ассоциации с положительным полюсом оценки, нейтральные реакции и с отрицательной коннотацией представлены в равной степени. Стоит отметить, что в этническую модель не вошли жаргонные варианты названий национальностей (*айзер, китаеза* и пр.), а также лексика, используемая в прямом значении (*иностранец, приезжий, человек другой культуры* и т.п.).

Экономическая метафорическая модель. В данных САЭ

метафорическая экономическая модель является среднечастотной (27 МЕ/ 9%) и среднепродуктивной. В рамках нее функционируют метафорические ассоциации, связанные в сознании участников эксперимента с теми специальностями, на которые могут претендовать мигранты в России; а также с некоторыми прецедентными феноменами и понятиями экономики, отношение к которым имеют приезжие. В соответствии с этим, рассматриваемая метафорическая модель имеет следующую структуру.

1. Фрейм «Экономическая ниша»

Фрейм представлен общими наименованиями той цели, которую преследуют мигранты, въезжая в страну: *работа* (7 МЕ), *учеба, деньги* (3 МЕ); а также названием конкретных видов деятельности: *строитель* (3 МЕ), *продавец на рынке, продавец обуви, торгош*. Подобные ассоциации являются показателем того, что в сознании россиян круг профессиональных сфер, на которые могут претендовать мигранты, жестко ограничен. Это проявляется и в таких реакциях как *рынок* (2 МЕ), *маршрутки, маленькая зарплата*.

Большинство метафор фрейма – нейтральные, жаргонная ассоциация *торгош* имеет отрицательный полюс оценки.

2. Фрейм «Экономические категории»

Фрейм представлен ассоциациями *Таганский ряд* (3 МЕ), *дешевая рабочая сила* (2 МЕ), *Черкизовский рынок*, где трижды возникшая реакция *Таганский ряд* является отражением реалии того города, в котором проводился психолингвистический эксперимент: Таганский ряд – самый крупный и популярный рынок в г. Екатеринбург, на котором большинство сотрудников являются мигрантами из Китая, Азербайджана, Таджикистана и других стран. Дважды возникшее устойчивое сочетание *дешевая рабочая сила* популяризировано СМИ и традиционно используется в медийных текстах, посвященных теме миграции: мигрант оценивается как человек, выполняющий не престижную работу за низкую оплату труда. Появление единичной реакции *Черкизовский рынок* также является отражением влияния СМИ: в конце весны – начале лета 2009 года в Москве произошло закрытие одного из самых крупных «иностранных» рынков в стране – Черкизовского. Скандал вокруг этого события широко освещался в российских средствах массовой информации, и название «Черкизовский рынок», до закрытия ничего не говорившее большинству россиян, не проживающих в Москве, стало узнаваемо всеми жителями страны.

В целом среди метафор экономической модели отсутствуют характеристики с положительным полюсом оценки; большинст-

во ассоциаций нейтральные, и две реакции оцениваются нами как обладающие негативными коннотациями (*торгаш, дешевая рабочая сила*).

Предметная метафорическая модель. Метафоры предметной метафорической модели представляют мигрантов в качестве неодушевленных предметов. Это образы с одним – отрицательным – полюсом оценки понятия «мигрант»: *вещь (6 МЕ); товар; мусорные баки, стоящие у третьего общежития; ненужный мусор; перхоть; пешки для политики; предмет, продающийся в комиссионном магазине; сажу; угольки*.

Посредством подобных пренебрежительных метафор мигрант репрезентируется как нечто ненужное, от чего поскорее хочется избавиться. Некоторые составляющие фрейма «Неодушевленный предмет» могут быть также отнесены к другой модели с источниковой сферой «Экономика», ср.: *пешки для политики* – сочетание, ставшее устойчивым и широко используемое в текстах СМИ применительно к различным объектам действительности; в метафоре *предмет, продающийся в комиссионном магазине* заложено представление (бытующее и в миграционном дискурсе СМИ) о том, что «мигрантом пользуются, а потом продают его следующему хозяину».

В рамках анализируемых данных САЭ экономическая модель является низкочастотной (15 МЕ/ 4,9%) и непродуктивной (фреймо-слотовая структура не развита).

Милитарная метафорическая модель. Образы войны в качестве репрезентантов понятия «мигрант» оказались мало востребованными для участников САЭ: получено 10 метафорических реакций (3,3%). В данном случае милитарная модель является низкочастотной и среднепродуктивной (4 фрейма), включает в себя следующие фреймы.

1. Фрейм «Война»

Фрейм представлен единичной метафорической реакцией *война*, посредством которой понятие «мигрант» оценивается отрицательно. Скорее всего, подобная реакция появилась под воздействие СМИ, поскольку именно там ее использование в различных вариантах (ср.: *борьба, битва* и пр.) является весьма частотным.

2. Фрейм «Виды вооружения»

Фрейм также представлен единичной метафорой, широко распространенной в российских СМИ и используемой, в частности, в дискурсе о миграции: *бомба, которая в один прекрасный момент взорвется*. Посредством нее ситуация вокруг миграции репрезентируется как «взрывоопасная», а сами мигранты оцениваются крайне отрицательно.

3. Фрейм «Отношение к Родине»

Метафоры фрейма, неактуальные для дискурса СМИ о миграции, отражают представление некоторых участников САЭ о том, что мигранты – предатели Родины, которые бросили ее в трудный момент, это проявляется в таких метафорических рекациях на слово-стимул «мигрант», как *перебежчик* (2 МЕ) и *предатель Родины* (2 МЕ).

4. Фрейм «Специализация воинов»

Фрейм состоит из популярной в миграционном дискурсе СМИ метафоры *оккупанты* (2 МЕ) (ср.: «оккупант – участник оккупации, захватчик» [Ожегов 1999: 449]) и прецедентного феномена *татаро-монгольское иго* (2 МЕ). Посредством последнего актуализируется историческая память некоторых участников психолингвистического эксперимента: в начале 14 столетия Русь находилась под гнетом татаро-монголов.

Таким образом, посредством метафор со сферой-источником «Война», зачастую под воздействием текстов СМИ, понятие «мигрант» имеет один полюс оценки – отрицательный.

Криминальная метафорическая модель. Анализ метафорических реакций, полученных в ходе психолингвистического эксперимента, показал, что в рамках САЭ криминальная модель является низкочастотной (9 МЕ/ 3%) и непродуктивной (фреймо-слотовая структура не развита). Метафорами с источниковой сферой «Криминал» российские респонденты характеризуют мигранта как *человека, сбежавшего из тюрьмы* (2 МЕ), *архаровца, шестерку*. Посредством данных наименований выражается пренебрежительное отношение к мигрантам: с одной стороны, мигранты определяются как инициаторы незаконных действий, ср.: *архаровец – «(прост.) буян, головорез»* [Ожегов 1999: 29]; с другой – как бесправные исполнители чьей-то воли, ср.: *шестерка – «(прост., пренебр.) мелкий и бессловесный исполнитель, вообще человек на побегушках»* [Ожегов 1999: 895].

Кроме этого, у некоторых участников САЭ мигрант ассоциируется с *терактом, терроризмом, торговлей наркотиками и этническими преступными группировками*. Появление таких реакций, на наш взгляд, является отражением влияния СМИ: именно средства массовой информации преувеличивают количество так называемой этнической преступности, тогда как правонарушения со стороны мигрантов не превышают 3% (по сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России, на территории страны в прошлом году иностранцы совершили 57 955 преступлений, что на 7,6 процента больше,

чем в 2008 году. Милиция раскрыла 572 убийства, 821 случай умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 411 изнасилований, 1258 разбойных нападений, 2745 грабежей, 10 000 краж, 1506 мошенничеств, 6091 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков. Вообще удельный вес преступлений граждан зарубежных государств в общей структуре преступности – 3,5 процента [www.voanews.com]). Российские СМИ же зачастую делают акцент на национальности правонарушителей, чем вызывают у россиян негодование и негативное отношение к иностранцам.

В целом, все метафорические реакции в рамках криминальной модели имеют отрицательный полюс оценки миграции, поскольку «криминальная» метафорика изначально обладает негативным потенциалом.

Фитоморфная метафорическая модель. Фитоморфная метафорическая модель в данных САЭ рассматривается нами как низкочастотная (1 МЕ/ 0,3%) и непродуктивная (фрейм-слотовая структура не развита), поскольку представлена пятью однообразными метафорическими реакциями (*перекати-поле* (5)) и единичной ассоциацией, возникшей как попытка респондента создать красивый образ, ср.: *зарубежный цветок, который может стать украшением сада или его болезнью*. Метафорическое словоупотребление *перекати-поле* является стертой метафорой, посредством нее актуализируется переносное значение слова *перекати-поле* – «(перен.) о человеке, не имеющем домашнего очага, постоянно меняющем свое место жительства» [Ожегов 1999: 504]. Обе метафорические реакции оцениваются нами как нейтральные характеристики понятия «мигрант».

Морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели и метафоры неживой природы. В данных САЭ морбиальная, гидронимная, театральная метафорические модели, а также метафоры неживой природы представлены единичными реакциями, что позволяет нам рассматривать их в данном случае как низкочастотные (1 МЕ/ 0,3%) и непродуктивные (фрейм-слотовая структура не развита).

Метафорические ассоциации со сферами-источниками «Болезнь» и «Вода» являются, на наш взгляд, следствием влияния СМИ на сознание россиян, так как они представляют собой дословное воспроизведение популярных в текстах СМИ при характеристике миграции метафор *эпидемия* и *волна, накрывшая страну*. Они обладают отрицательными коннотациями, так как посредством них явление миграции позиционируется как все

заражающая болезнь и разрушительная стихия.

Театральная метафора *гастролер* также содержит в себе отрицательную оценку, поскольку через ее использование актуализируется представление о мигранте как о «(перен.) недобросовестном работнике, постоянно меняющем место работы» [Ожегов 1999: 126].

Единичная нейтральная метафора со сферой-источником «Неживая природа» *камень, упавший со скалы* отражает попытку создания участника эксперимента необычного образа.

Более половины (174/301 (57,9%)) метафорических реакций, полученных в САЭ, являются нейтральными, а часть из них – с положительным полюсом оценки понятия «мигрант» (7/301 (2,3%)), лишь треть ассоциаций имеют отрицательные коннотации (120/301 (39,8%)).

Респонденты, принявшие участие в САЭ, – это молодое поколение россиян, получающее высшее образование; а значит, люди, предположительно обладающие высокой степенью общекультурной и речевой компетентности в связи с имеющимся статусом студента высшего учебного заведения; способностью фильтровать информацию, поступающую из внешнего мира. Осмелимся предположить, что именно реакции респондентов, участвовавших в САЭ, отражают реальное отношение россиян к мигрантам, которое условно было обозначено нами как нейтральное/равнодушное/терпимое. Не случайно в Предисловии к Русскому ассоциативному словарю его авторы акцентируют внимание на том, что «Испытуемыми в ассоциативном эксперименте были студенты первых трех курсов различных вузов (от 17 до 25 лет), для которых русский язык является родным. В основе такого выбора лежали два соображения. Во-первых, о влиянии на языковое сознание будущей специальности, а во-вторых, о прогнозировании развития сознания тех русских, которые в ближайшие десятилетия будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества» [РАС 2002: 5]. Таким образом, на основе наличия положительных коннотативных смыслов и преобладания нейтральных характеристик в метафорическом представлении понятия «мигрант» правомерно говорить о нейтральном/равнодушном/терпимом отношении российских респондентов к миграции. Это проявление еще не толерантности в буквальном смысле, но уже попытки осознания и понимания носителей других культур, языков, вероисповеданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.

2. Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

3. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.

4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.

5. Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология. 2007. № 24. С. 149–168.

6. Прудникова Т.А. Международно-правовое регулирование трудовой миграции: Автореф. дис. канд. юр. наук. – М., 2007.

7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. 990 с.

9. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. 238 с.

СЛОВАРИ

1. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ). Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1977. 192с.

2. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2 т.– М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.

3. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. URL: <http://www.zooflora.ru>

2. URL: <http://www.levada.ru>

3. URL: <http://www.voanews.ru>